

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи предспавленны были въ Цензурный комипешъ при экземпляра. Москва, 1828 года, Окшября 15 дня.
Цензоръ *Владиміръ Измаиловъ*.

Во время своего пребыванія въ Женевѣ, Лордъ Байронъ посѣщалъ иногда домъ Графини Брюсъ, одной Русской дамы, жившей въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ города; и въ одинъ вечеръ, когда общество состояло изъ Лорда Байрона, П. Б. Шелли, Г. Полидори (нѣсколько времени путешествовавшего съ Байрономъ въ качествѣ доктора), и нѣсколькихъ дамъ, — протѣя одно Нѣмецкое сочиненіе подъ названіемъ: Phantasmagoriana, предложили чтобы каждый изъ присутствовавшихъ разсказалъ повѣсть основанную на дѣйствии силъ сверхъестественныхъ; предложеніе было

принято Лордомъ Бѣйрономъ, Г. Полидѣри и одною изъ дамъ. Когда очередь дошла до Бѣйрона, онъ разсказалъ Вампира. Г. Полидѣри, возвращаясь домой, спѣшилъ записать его по памяти, и послѣ издалъ въ свѣтъ.

В А М П И Р Ъ.

Среди разсѣяній, обыкновенно сопровождающихъ Лондонскую зиму, между различными парціями законодатель *тона*, появился одинъ человекъ, болѣе замѣтный по необыкновеннымъ качествамъ, нежели по высокому сословію. Онъ равнодушно смотрѣлъ на веселіе его окружавшее, и казалось не могъ его раздѣлять. По видимому, его вниманіе привлекалъ одинъ только звонкій хохотъ красавицы, который мгновенно умолкалъ опъ одного его взгляда, и внезапный страхъ наполнялъ тогда сердца,

прежде предававшіяся безпечной радості. Никто не могъ объяснить причины этого таинственнаго чувства: нѣкоторые приписывали оное его мертвымъ сѣрымъ глазамъ, которые устремляясь на лице особы, передъ нимъ находящейся, казалось не проходили во глубину, не проникали во внутренность сердца однимъ быстрымъ взглядомъ,—но бросали какой-то свѣтлый лучъ, падавшій на поверхность, не имѣя силы проникнуть далѣе. Справность характера открыла ему входъ во всѣ дома; всѣ его желали видѣть, и тѣ, которые привыкли къ сильнымъ впечатлѣніямъ, и теперь чувствовали тягостъ скуки, радовались имѣя передъ собой предметъ способный привлечь ихъ вниманіе. Не смотря на мертвый цвѣтъ его лица, коего

черты и очеркъ были прекрасны, но которое никогда не разогрѣвалось ни румянцемъ скромности, ни пламенемъ сильныхъ страстей, многія изъ самолюбивыхъ красавицъ старались привлечь его вниманіе, и выиграли хотя что нибудь похожее на привязанность. Леди Мёрсеръ, извѣстная слабымъ поведеніемъ со времени замужства, захоула разставивъ ему сѣли, и только что не одѣвалась въ арлекинское платье, желая имъ быть замѣченною;—но напрасно:—когда она передъ нимъ стояла, тогда взглядъ его по видимому и обращенъ былъ на ея глаза, но онъ казалось не замѣчалъ ихъ;— даже и ея неустрашимое безстыдство оспалось безъ успѣха: она отказалась отъ своего намѣренія. Не смотря однакоже на то, что женщина извѣстная сла-

бымъ поведеніемъ не могла имѣть вліянія даже и на движеніе глазъ его,—онъ не былъ равнодушенъ къ прекрасному полу. Но такова была оспорожностъ разговора его съ добродѣтельной женою или невинной дѣвушкой, что не многіе знали говорилъ ли онъ когда нибудь съ женщинами. Онъ славился пріятельностью разговора, и—было ли, краснорѣчіе ~~—сильнѣе,~~ нежели страхъ производимый его страннымъ характеромъ, или видимая его ненависть къ пороку казалась прогашельною — онъ также часпо былъ въ обществѣ женщинъ, по семейнымъ добродѣтелямъ составляющихъ украшеніе своего пола, какъ и между тѣми, копорыя безчестяють оный своими пороками.

Около того же времени пріѣхалъ въ Лондонъ одинъ молодой чело-

вѣкъ, по имени Обрій: онъ былъ сирота, потерялъ родителей еще во младенчествѣ, и съ единственной сестрою остался наследникомъ большаго богатства. Оставленный на полной свободѣ опекунами своими, которые считали долгомъ пещися лишь объ имѣніи, а важнѣйшія заботы о развитіи его ума предоставляли наемникамъ низкаго сословія, — онъ болѣе развивалъ свое воображеніе, нежели разумъ. Такимъ образомъ онъ получилъ высокія, романическія чувства чести и прямодушія, опъ которыхъ ежедневно погибають столь многіе молодые люди. Онъ вѣрилъ, что все сочувствуетъ съ добродѣтелью, и думалъ, что порокъ брошенъ Провидѣніемъ на землю единственно для живописной разительности сцены, какъ бываетъ въ романахъ;

онъ думалъ, что бѣдность хижинъ соспоишь въ шомъ шолько, что люди одѣваются въ плаще споль же шеплое, но по неправильнымъ складкамъ и разноцвѣтнымъ заплатамъ болѣе привлекашелейное для глазъ живописца. Словомъ—мечпанія поэшовъ казались ему дѣйствительной жизнью. Онъ былъ хорошъ собою, прямодушенъ, богатъ, — и поэтому многія мащери его окружали когда онъ вспупалъ въ веселыя общеспва, и наперерывъ спарались описывать ему съ возможно мѣньшей испиною своихъ шомныхъ или рѣзвыхъ любимиць; а дочери, движенія копорыхъ оживлялись при его приближеніи, и коихъ глаза блиспали когда онъ начиналъ говорить, скоро внушили ему ложное понятіе о его достоинствѣ и дарованіяхъ. Привыкши

къ мечпаніямъ уединенныхъ часовъ, онъ пораженъ былъ, когда увидѣлъ, что въ дѣйствительной жизни ничего нѣтъ похожего на пріятно-разнообразныя картины и описанія воспринимаемыя въ романахъ, — кромѣ восковыхъ и сальныхъ свѣчей, коихъ прелепный свѣтъ происходилъ не отъ появленія привидѣній, но отъ лѣниваго дѣйствія щипцовъ. Находя нѣкоторое вознагражденіе въ удовлетворенномъ тщеславіи, онъ готовъ уже былъ отказатьсь отъ сновъ своихъ, когда необыкновенное существо, нами выше описанное, съ нимъ встрѣтилось.

Онъ наблюдалъ за нимъ.—Невозможно было понять характеръ человека совершенно въ самого себя погруженнаго, который тѣмъ только показывалъ вліяніе на себя внѣшнихъ предмѣтовъ, что безмолвно